
РУБЕЖ 666
Верни мне ту ночь
Павел Галочкин
18+

Павел Галочкин

Рубеж 666. Верни мне ту ночь

«Автор»
2026

Галочкин П.

Рубеж 666. Верни мне ту ночь / П. Галочкин — «Автор», 2026

2190 год. Человечество освоило далёкие миры. Для ПиДжея весь мир сократился до каме-ры, ежедневного распорядка и фотографии, которую он достаёт в одно и то же время.Пять лет ничего не менялось, но однажды дверь открывается раньше обычного.

© Галочкин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Аннотация 6
Часть первая 7
Глава 1. Порядок вещей 7
Глава 2. На чужих условиях 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Рубеж 666. Верни мне ту ночь

Глава

Научно-фантастический роман с элементами психологического хоррора
В четырёх частях
18+
События и персонажи романа вымышлены.

Аннотация

2190 год. Человечество освоило далёкие миры. Для ПиДжея весь мир сократился до камеры, ежедневного распорядка и фотографии, которую он достаёт в одно и то же время.

Пять лет ничего не менялось, но однажды дверь открывается раньше обычного.

Часть первая

Глава 1. Порядок вещей

Утро начиналось с воды за стеной.

Сначала сосед справа вставал с кровати. ПиДжей слышал короткий скрип — чужой матрас почему-то скрипел, хотя его собственный не издавал ни звука. Потом шипел слив. Вентиляция на секунду меняла тон. До света оставалась минута.

Он лежал с закрытыми глазами и считал.

На сорока двух сосед кашлянул. Два сухих толчка, пауза, третий. Так было почти каждое утро. ПиДжей не знал его имени. Не знал, тот ли это человек, которого поселили справа после смерти прежнего соседа. Знал только кашель. Иногда он оставался лежать ещё несколько секунд и слушал: за стеной кто-то жил.

На шестидесяти за веками побелело.

— Подъём.

У потолка был приятный голос. В первые недели ПиДжей пытался определить, мужской он или женский. Потом перестал. Такой голос годился для объявления посадки, уведомления о задолженности и сообщения, что остаток жизни придётся провести в комнате без окна.

ПиДжей сел.

Под ступнями было тепло. Матрас расправлялся, убирая следы сна; на стене появлялись часы и распорядок. Шесть ноль-ноль. Ниже — 2190. Все четыре цифры, словно он мог перепутать это утро с каким-нибудь другим.

Пять лет он просыпался здесь. Иногда, до включения света, ему казалось, что на кухне открывают шкафчик. Талия доставала кружку, Лео просил дать ему ту, с обломанной ручкой: остальные были скучные. Стоило открыть глаза, и оставалось шипение за стеной.

Сегодня он досчитал до шестидесяти без ошибок.

От кровати до двери было четыре шага и ещё полшага. До раковины — три. Над раковиной темнел оптический датчик. Второй находился в углу, прямо над левым плечом, когда ПиДжей ложился на спину. Датчики замечали движение под одеялом, задержку дыхания, изменение температуры. Врач говорил, что они способны определить начало сердечного приступа раньше самого заключённого.

— А после сигнала вы сами придёте или мне ещё придётся вас звать? — спросил ПиДжей.

Врач посмотрел на него так, будто вопрос был неприличным.

«При необходимости вам окажут помощь».

Предыдущего соседа вынесли в закрытом мешке. Что делали до этого, ПиДжей не видел.

Он встал на серый прямоугольник возле двери.

— Ладони вперёд.

Он поднял руки. По запястьям прошла полоска света. На правой ладони, у основания большого пальца, белел старый рабочий рубец. Медицинский архив подтвердил, что тот появился задолго до ареста. В деле нашлось место даже для этого.

— Проверка завершена.

ПиДжей опустил руки и пошёл умываться.

Вода поступала сорок секунд: намочить лицо, растереть средство из дозатора, смыть. Отдельная порция полагалась для зубов. На сорок первой секунде можно было держать ладони под краном сколько угодно. Кран не спорил и не уступал.

Вместо зеркала была матовая металлическая пластина. В ней отражался человек с коротко остриженными волосами и полосой от подушки на щеке. ПиДжей отвернулся прежде, чем захотелось рассматривать глаза.

Полотенце ушло в щель. Чистое появилось через полминуты.

Здесь всё отмывалось. На полу не задерживались крошки, со стены исчезали отпечатки, воздух не сохранял запах пота. В первый год ПиДжей каждый вечер тёр костяшкой одно место возле кровати. Хотел оставить потёртость. Утром увидеть: вчера он тоже был здесь.

Потрескалась кожа. Появилась ранка. Стена осталась белой. Медицинская система предложила прекратить действие, вызывающее повреждение тканей, и выдала мазь.

Он прекратил.

В шесть десять началась разминка.

Шея. Плечи. Локти. Двадцать приседаний, четыре подхода отжиманий. Между подходами — тридцать вдохов. Перекладины не было; он сцеплял руки и тянул их в разные стороны, пока не начинали дрожать предплечья.

Лео обязательно попробовал бы повторить. Потом объявил бы, что папина левая рука сильнее правой. Или наоборот — лишь бы поспорить.

На последнем подходе заболело левое плечо.

ПиДжей уменьшил амплитуду. Ещё шесть повторений. Хватит.

Три года назад он продолжил бы назло плечу, камере и голосу над дверью. За превышение нагрузки следовало предупреждение. После третьего на день отключали библиотеку. Он знал, как тянется такой день.

ПиДжей сел на пол. Сердце стучало в горле, пот остывал между лопатками. Пока пульс оставался в пределах нормы, ему позволяли просто дышать.

Он не знал, для чего сильное тело человеку с пожизненным сроком. Утром легче было решить, сколько раз согнуть локти.

Без восьми семь он надел серую рубашку.

Карман на груди чуть оттопыривался. ПиДжей нащупал прямоугольник и убрал руку. Всё на месте.

Дверь открылась ровно в семь.

* * *

В коридоре он посмотрел на трещину.

Тонкая, кривая, длиной с мизинец, она шла от нижнего края панели вверх. Он заметил её четыре года назад. Дальше по коридору облицовку дважды меняли. Эту панель оставляли.

Заключённые двигались по светлой линии. У одной двери горела синяя полоса медицинского наблюдения. Жилец этой камеры в столовой клал ладонь на кашу, проверяя температуру. Уже неделю его место пустовало.

В столовой пахло тёплым пластиком и чем-то сладковатым. Значит, сегодня кашу назовут овсяной. На вкус она почти не отличалась от зерновой.

ПиДжей приложил запястье к считывателю и забрал поднос. Каша, вода, белковая пластина с коричневыми полосками, изображавшими следы жарки на решётке. Однажды он спросил пожилого заключённого, видел ли тот саму решётку. Старик ответил: если им её покажут, она тоже будет нарисована.

ПиДжей сел за второй стол у стены. Старик уже ел, держал ложку всей кистью. Из-за распухших суставов она казалась игрушечной.

На обзорном экране плыла Земля. Внизу бежали новости: груз отправлен, рейс задержан, узел остановлен на ремонт. Там каждое утро что-нибудь происходило. Если это была запись, её часто обновляли.

За соседним столом спорили о порциях.

— Глянь-ка, сегодня пластина потолще, чем вчера.

— Тебе ещё линейку раздобыть, чтобы утро совсем хорошо прошло?

— Да чего ты смеёшься, я вчерашнюю вдоль разломил — там и ломать нечего было.

— Положи её плашмя, чудо, а то ты ребром любую порцию вдвое увеличишь.

ПиДжей разделил свою пластину ложкой. Спора хватит ещё на два завтрака. К четвергу выяснится, что ложки стали меньше.

На экране появилась солнечная батарея с загнутым краем. Ремонтный аппарат подвёл захват под плохим углом. ПиДжей задержал взгляд, но картинка уже сменилась.

— Эй, семейник.

Ложка была у самого рта. Он съел кашу.

Савин сидел напротив. Широкое лицо, маленькие глаза, один рукав закатан выше другого. Обычно он завтракал в другом конце столовой. ПиДжей садился подальше. Сегодня Савин сам выбрал стол.

— Ты, семейник, не притворяйся, будто не слышишь.

ПиДжей взял воду.

Разговоры разрешались, оскорбления — нет. Голос вмешивался, когда становилось громко. Савин умел говорить тихо.

— Чего, всё ещё эту фотографию в кармане таскаешь?

Савин посмотрел на карман.

За его головой загорелось: «Доставка отложена». ПиДжей прочитал два слова. Потом ещё раз. Вода была комнатной температуры и пахла стаканом.

— Я бы давно выбросил, а ты, смотрю, всё чего-то высматриваешь — чего там ещё не видел?

Старик перестал скрести ложкой. Разговор о порциях тоже прекратился.

— Или нравится тебе на них смотреть, а?

ПиДжей поставил стакан в круглое углубление.

Одна рука Савина лежала на столе, другая — под столом. Ударить можно было сидя. Встать он бы не успел: блокировка срабатывала быстрее. Один удар, без предупреждения. ПиДжей видел, как это делают. Видел и человека, лежащего возле подноса, — тот не мог даже повернуть голову к крови на полу.

Ложка была пластиковой, с утолщённой ручкой.

ПиДжей увидел её слишком отчётливо.

Потом взял за ручку и размешал кашу. Плёнка собралась у края, похожая на кожу после ожога. Он утопил её поглубже.

— Ну что, так и будешь кашу мешать?

Он не поднял глаз.

Ещё четыре ложки. Остаток пластины. Вода. Если выйти раньше сигнала — нарушение пищевого режима. Если позже — режима перемещений. У них оставалось меньше двух минут.

Наконец Савин поднялся. Стул скользнул по полу, и потолок попросил соблюдать порядок.

Старик снова заскрёб ложкой.

ПиДжей доел. Во рту было сухо. Вода не помогла.

В первый год он объяснял. Заключённым, врачам, людям, которые сопровождали его в суд. Допросы начались ещё в больнице; на некоторых записях он едва мог удержать голову. Провал памяти подтвердили. Это ничего не доказывало.

Когда он заканчивал, всегда следовал один вопрос:

«А кровь откуда?»

Ответа не было.

Загорелась зелёная полоса. Он сдал поднос, по дороге нашёл трещину, вошёл в камеру и поднял ладони для проверки.

Руки не дрожали.

Он смотрел на них, пока голос не сказал, что проверка завершена.

* * *

До девяти оставалось полтора часа.

Терминал поднимался из стола на гибком креплении. Его можно было придвинуть, наклонить, развернуть. Оторвать нельзя. Книг хватило бы на несколько пожизненных сроков. ПиДжей иногда открывал новый роман и закрывал после первых страниц. Там кто-нибудь уходил из комнаты, потому что захотел уйти.

Сегодня он выбрал стыковочные системы.

Два корабля сближались по общей оси. Усилия, пределы допуска, время подтверждения сигнала. Знакомая схема. ПиДжей придвинул её ближе и на мгновение почувствовал запах нагретой изоляции.

На его прежнем рабочем столе стояла модель корабля. Лео, придя туда с Талией, повернул её носом вниз.

— Пап, а люди почему не падают?

— Ты про тех, кто внутри корабля?

— Ну да, вон он носом вниз, а они там все на голову должны свалиться.

ПиДжей объяснял минут десять. Сын не перебивал, и он подвинул модель поближе: показал жилой отсек и крепления, объяснил, почему нельзя сделать корпус совсем тонким. Лео держал модель обеими руками.

— Пап, можно я его домой возьму?

— Только сначала поставь его на место, а потом решим, что с ним делать.

— Да я осторожно, пап, ну посмотри.

Мальчик поставил. Осторожно, чтобы нос оказался там, где был прежде.

— А дома ты со мной полетаешь, если я его возьму?

Талия посмотрела на мужа. ПиДжей уже открыл схему, собираясь показать ещё одну подробность. Только потом заметил, что сын убрал руки за спину.

Он закрыл схему. Поднял Лео к столу, позволил самому выбрать место посадки. Они всё-таки полетали. Но на вопрос о доме он ответил: «Потом посмотрим».

Терминал в камере ждал перелистывания. Палец ПиДжея застыл у стрелки.

Корабль был его. Можно было отдать сразу.

Он перевернул страницу.

При отказе захвата справочник предлагал проверить усилие и повторить цикл. Неправильно: повреждённый захват мог дать штатный сигнал, а повторный цикл — перекосить узел. На одном испытании они едва успели остановить механизм. Инженер тогда выругался так, что Талия запрещала пересказывать историю при ребёнке.

ПиДжей выделил строку и написал: «Сначала снять нагрузку».

Сохранил.

За стеной стукнули. Дважды быстро, третий раз после паузы. ПиДжей подождал. Продолжения не было. Смысл этих сигналов он так и не выучил; с соседом справа его редко выпускали одновременно.

Через двадцать минут он всё ещё читал то же примечание. Слова Савина звучали так близко, словно тот сидел напротив, в двух шагах от кровати.

ПиДжей закрыл справочник.

В упражнении для памяти появилось двенадцать фигур. На запоминание — тридцать секунд. Круг, квадрат, два треугольника, ещё круг. Он восстановил порядок и ошибся дважды. Повторил. Одна ошибка.

Врач после суда говорил: воспоминания могут сохраниться, даже если доступ к ним потерян. Другой через год предупреждал: постоянные попытки способны создать ложные воспоминания. Оба говорили уверенно и просили подтвердить, что рекомендации понятны.

Он подтвердил оба раза.

На главном экране висели уведомления. Осмотр через шесть дней. Библиотека продлена. Запрос на пересмотр материалов дела отклонён.

Отказ пришёл вчера. Утром ПиДжей прочитал его снова.

Номер обращения. Ссылка на предыдущий ответ. Основания отсутствуют. Внизу предлагалось оценить качество услуги. Пять пустых звёздочек ждали прикосновения.

Он закрыл окно.

В восемь пятьдесят началась уборка. ПиДжей стоял у кровати, пока по полу двигалась полоса влажного блеска. Решётка втянула пыль, которой он не видел.

Он расправил рукав. На груди стояли две буквы: PG. На первой перекличке сотрудник назвал его ПиДжеем, перепутав название второй буквы. Ошибка прижилась. Иногда код произносили правильно, иногда повторяли прозвище; он оборачивался в обоих случаях. Настоящее имя оставалось в деле, рядом с пожизненным сроком.

В девять он сел на кровать и достал фотографию.

* * *

При поступлении ему разрешили оставить бумажную копию одного изображения. Остальное поместили в закрытый архив.

Он выбрал Талию и Лео у перил на прогулочной площадке.

Снимок не двигался и не отвечал. Когда ПиДжей поворачивал его, на защитном покрытии появлялся блик. Больше ничего.

Талии было тридцать четыре. Лео — пять. Мальчик держал стаканчик, над верхней губой белели молочные усы. Передний зуб выпал накануне, и сын весь день улыбался шире обычного. ПиДжей велел вытереть рот. Лео сказал: сначала надо фотографировать, иначе усы пропадут.

Талия ещё смеялась. Ветер поднял прядь у её щеки. Левая рука лежала на плече сына; правая — возле кармана куртки. Большой палец оттягивал край ткани.

ПиДжей держал фотографию за нижние углы. Он мог бы показать расположение каждого пальца с закрытыми глазами.

Он не помнил, когда они приехали: до обеда или после. Лео хотел пить. Напитки купили до прогулки? Талия что-то сказала перед снимком. Теперь вспоминались две фразы, обе её голосом.

Он перестал выбирать между ними. Врач с предупреждением о ложной памяти оказался полезен хотя бы в этом.

Другие вечера помнились отчётливо. Иногда хотелось забыть именно их.

* * *

За два месяца до ареста Лео принёс ему сломанный вездеход.

У игрушки перекосило переднюю ось. Одно колесо смотрело в сторону, второе цепляло корпус. До отправки отчёта оставалось сорок минут.

— Лео, мы же договаривались не давить ему на крышу — ну вот, опять колесо перекосило.

— Он же через гору ехал, пап, а она не пускала.

— Так не тащи его туда, где он не проходит, сколько можно чинить одно и то же.

Лео держал вездеход у живота. ПиДжей протянул руку, но сын отвёл игрушку.

— А я хотел, чтобы ты со мной ехал, не только чинил.

— Я сейчас работаю, Лео, оставь его здесь, потом починю.

Мальчик поставил вездеход на край стола. ПиДжей отодвинул его от локтя и вернулся к отчёту. Когда поднял голову, Лео уже ушёл.

Ночью ось никак не выходила из крепления. Новый вездеход стоил меньше часа его работы. Но на крыше этого была стёртая полоска, куда сын ставил большой палец, возле дверцы — маленькая вмятина.

ПиДжей разогнул крепление, выправил ось. Короткий провод нарастил серой перемычкой и спрятал под крышкой, чтобы Лео не тянул за неё.

Талия вышла за водой.

— Ты всё ещё тут, а спать когда собираешься?

Он показал на детали.

— Сейчас только проверю колёса и приду, я почти закончил.

Она посмотрела на часы и поставила возле него стакан. Три семнадцать. Вставать в шесть.

Когда оба колеса повернулись вместе, ПиДжей убрал инструменты и отнёс вездеход к кровати сына. Лео спал, подложив ладонь под щёку. ПиДжей присел, поправил одеяло. Послушал дыхание. Поцеловал волосы — быстро, чтобы не разбудить.

Утром он ушёл раньше, чем проснулся ребёнок. Вездеход остался возле подушки.

* * *

ПиДжей провёл пальцем по сгибу фотографии. В камере не выдавали инструментов. Чинить было нечего.

Сын не узнал, сколько длилась та ночь. Зато услышал: «Я сейчас работаю».

От другого вечера остался запах остывшего кофе.

* * *

Талия стояла у кухонного стола и рассказывала о совещании.

Она нашла ошибку в чужих расчётах, перепроверила и сообщила группе. Руководитель спросил, сколько ещё ошибок придётся за ней искать. Талия пересказывала это спокойно, только ложка слишком часто ударялась о край кружки.

— А предыдущая версия у тебя сохранилась, чтобы показать, что ошибка была ещё до твоих исправлений? — спросил ПиДжей.

— Конечно, сохранилась, я ему её прямо на совещании показала.

— Тогда разошли всей группе обе версии и обязательно укажи дату исправления, чтобы каждый видел, кто что сделал.

— Я уже разослала, только послушай, я сейчас не про…

Он открыл свой терминал.

— Ну а что ещё ты можешь сделать, если все уже видели, что ты исправляла чужую ошибку?

Ложка перестала звенеть.

Талия поставила кружку, прижала губы. Собиралась ответить, но передумала.

— Уже ничего, можешь не отвлекаться.

Она повернулась к раковине.

— Подожди, я же помочь пытаюсь, что я опять не так сказал?

— Да дай ты мне хоть договорить, я ещё рассказываю, а ты уже всё за меня решил.

На терминале было непрочитанное сообщение. Человек на другом конце ждал ответа. ПиДжей закрыл экран.

— Ладно, рассказывай, я сейчас уберу экран.

Талия сполоснула ложку. Подставила под струю ещё раз. Потом села рядом.

Второй раз она говорила короче. ПиДжей несколько раз хотел перебить и удержался.

Кофе остыл. Талия переставила его кружку ближе к себе, освобождая место для локтя.

— Ну? — спросила она.

— Что?

— У тебя же ещё шесть советов на лице написано, куда ты их теперь денешь?

Он улыбнулся. Она тоже — устало, краем рта. ПиДжей накрыл её руку своей. Под пальцами была тёплая кожа и крошечный шрам возле костяшки. Он мог найти этот шрам в темноте.

Они сидели так, пока из комнаты не позвал Лео.

* * *

Большой палец лежал на лице Талии. ПиДжей убрал его. На покрытии остался след, видимый только в блике. Он стёр его рукавом.

Талия иногда говорила: «Подвинься», и садилась рядом, прежде чем он успевал убрать рабочие листы. Тогда казалось, что мешает закончить. Теперь он помнил, как торопливо собирал их, освобождая место.

Маленьким Лео прятался за Талию, стоило лопастям над плитой начать крутиться, и не выпускал край её рубашки. ПиДжей показал ему мотор. За месяц до смерти сын уже сам приносил горячую воду к датчику, чтобы вентилятор включился. Талия просила перестать кипятить воду ради вентилятора. Лео отвечал: это опыт.

Он так и не узнал, кем вырос бы его сын, который уже в пять лет говорил: «Это опыт».

Сейчас сыну было бы десять.

ПиДжей старался не представлять. Едва возникал незнакомый мальчик с чужими скулами, ПиДжей опускал глаза на снимок и снова всматривался в лицо пятилетнего сына. Словно он подменял его ребёнком, которого ещё можно встретить на улице.

Талия оставалась тридцатичетырёхлетней. ПиДжей старел один.

Иногда он представлял, что кто-нибудь войдёт и предложит оставить его здесь навсегда, а их вернуть. Пусть Лео вырастет без него. Пусть Талия забудет, устроит другую жизнь. Ему не нужно видеть их или узнавать новости. Только знать, что они живы.

Для себя он ничего не просил.

Он опустил снимок на колени.

В то последнее утро Лео обхватил его запястье обеими ладонями. Обычно он брал два пальца. ПиДжей торопился, присел, что-то пообещал и высвободился. Прикосновение он помнил. Обещание — нет.

Пять лет назад жену и сына нашли мёртвыми. ПиДжей находился рядом. Их кровь была на его одежде, на ладонях, под ногтями. Анализы проверили дважды. В документах это называлось установленными обстоятельствами.

Нескольких часов он не помнил.

До провала оставались работа, разговор, свет на переходе. После — лампа и человек, просивший назвать имя. ПиДжей пытался спросить о Талии, но язык не слушался. Остальное узнал из протоколов, показаний, записи, которую адвокат включал перед ним.

— Всё до этого вы помните, а именно эти часы — нет, я правильно вас понял? — спросил следователь.

Он не ответил.

На суде вопрос повторили. Молчание длилось одиннадцать секунд. ПиДжей потом сосчитал по записи. За такое время в камере не успеваешь смыть средство с лица. В зале успели решить, что означало его молчание.

В одни дни он хотел вернуть ту ночь, даже если воспоминание уничтожит его окончательно. В другие убирал снимок раньше, чем успевал довести эту мысль до конца. Ему нужны были ответы. Он хотел снова произносить имена жены и сына без того, что слышалось в голосе Савина.

ПиДжей перевернул фотографию.

На обороте стоял допуск: электронные компоненты отсутствуют. Ниже — код для замены повреждённого экземпляра.

Он ни разу не заказывал замену. На нижнем крае был маленький залом, появившийся в первый день, когда тряслись руки. Теперь эти руки спокойно удерживали ложку напротив Савина.

ПиДжей снова посмотрел на лица.

Первые месяцы он рассказывал им о ходатайствах. Новая экспертиза, запрос адвоката, неточность во времени. Потом пришли ответы, и рассказывать стало нечего. Он всё равно доставал снимок в девять.

У него было правило: не искать в лице Талии ответ. Она не знала, о чём он спросит спустя пять лет. Ждала, когда муж опустит камеру. Может быть, хотела поправить сыну воротник. Рука у кармана ничего не объясняла.

Он смотрел на весь снимок. На перила. На деревья. На усы, которые нельзя было вытереть.

Наверное, на записи это выглядело странно. Человек, осуждённый за смерть двоих, каждый день достаёт их фотографию и смотрит. Сотни часов. Датчики могли измерить пульс, заметить влагу в уголке глаза. Они не знали, что он видит за плоским листом. ПиДжей тоже не всегда знал.

Он поднял левую ладонь. Линии остались прежними. После ареста ему казалось, что кровь найдут, если исследовать внимательнее. Позже её перестали обнаруживать. В деле она оставалась.

Вчерашний отказ лежал в терминале. Следующим шагом был бы новый запрос. Ещё один номер обращения и пять пустых звёздочек.

ПиДжей наклонил снимок, убирая отражение лампы.

— Я не мог этого сделать… вы же знаете меня.

Голос был хриплым: за утро он не сказал ни слова. Лео улыбался. Талия смотрела на человека по ту сторону объектива.

ПиДжей подождал, пока отпустит сухость в горле, и убрал фотографию.

До обеда полагалось дочитать справочник и сделать ещё одну серию упражнений. В одиннадцать сорок откроется дверь. Он пройдёт мимо трещины, получит поднос, вернётся.

Он встал и посмотрел на часы.

Девять двенадцать.

В замке щёлкнуло.

ПиДжей не сразу повернулся. За пять лет тело усвоило расписание лучше головы. Наверное, соседняя дверь.

Но его дверь уже уходила в стену.

Зелёная полоса не горела. Распорядок не изменился. На пороге стоял охранник, которого ПиДжей видел при обыске и рядом с медицинской группой. Сейчас он был один. Устройство блокировки висело на поясе; рука находилась возле считывателя.

ПиДжей успел подумать о фотографии. Только что убрал её, и всё же хотелось проверить ещё раз.

— Заключённый PG. На выход.

Глава 2. На чужих условиях

Охранник посмотрел на руки ПиДжея, потом на карман рубашки.

На мгновение ПиДжей решил, что фотографию заберут. Так бывало на обследованиях: личные вещи оставляли в ячейке, снимок возвращали вместе с рубашкой. Иногда он лежал лицом вниз, иногда — лицом вверх. Никаких следов, по которым можно было бы понять, кто на него смотрел.

— На линию.

ПиДжей шагнул в коридор. Замок за спиной закрылся.

— Куда вы меня ведёте?

— В административный сектор, держитесь за мной.

Охранник пошёл первым. ПиДжей держался на обычном расстоянии. Его не назвали по номеру дела. Не предложили поднять ладони. Не потребовали оставить вещи. Он ускорил шаг, но заметил, что приблизился к охраннику, и снова отстал.

Вчера пришёл отказ. Сегодня дверь открылась без предупреждения.

Люди ошибаются. Системы тоже ошибаются. Возможно, нашлась запись. Возможно, кто-нибудь произнёс нужное имя.

Возле поворота была трещина.

Они миновали её и свернули к медицинскому блоку. Значит, обследование. ПиДжей хотел спросить, почему осмотр перенесли, но охранник прошёл мимо двери с синим знаком.

Следующая дверь не имела обозначения.

Мужчина приложил запястье. Замок не ответил. Он поднял лицо к окошку над косяком, подождал ещё секунду, и только после этого дверь открылась.

За ней оказалась лестница.

ПиДжей не помнил, когда в последний раз поднимался по лестнице. В его части тюрьмы обходились одним уровнем. На первой ступени он потянулся к перилам, левое плечо заболело, и он убрал руку. Охранник не оглянулся.

Выше пахло кофе.

Он узнал запах сразу. Раньше им начинался рабочий день. Кофе обычно успевал остыть, пока он отвечал на первое сообщение, и ПиДжей всё равно допивал его: Талия смеялась над этой привычкой. От слабого запаха за закрытой дверью на мгновение захотелось домой.

За дверью смеялись. Женщина сказала, что документ надо исправить до полудня. Кто-то ответил слишком тихо, чтобы разобрать, и смех повторился.

Они прошли мимо.

В конце коридора охранник остановился.

— Войдёте и сядете, когда предложат.

— Кто там?

Охранник нажал на панель.

— Вас ждут.

* * *

Первым ПиДжей увидел дерево.

Оно стояло за широким окном. Тонкие мокрые ветви, гравий у корней, бетонная стена позади. На нижней ветке собиралась капля. Пока он смотрел, она вытянулась и упала.

ПиДжей едва не остановился в дверях.

Там могла быть настоящая улица. Мог быть экран с хорошим изображением. Он отвёл глаза от дерева и поправил воротник: оба за столом успели заметить, как долго он смотрел в окно.

— Доброе утро, PG, проходите, мы вас ждали.

Мужчина сидел за деревянным столом. Тёмный пиджак, светлая рубашка, расстёгнутый ворот. У висков начиналась седина. Возле него стоял стакан с водой, отодвинутый так, чтобы не мешать руке. В любом другом помещении ПиДжей вряд ли запомнил бы его лицо.

Женщина справа была одета в серое. Перед ней лежала тонкая папка. Она держала руки одну на другой. На указательном пальце светлело место от снятого кольца.

— Садитесь.

Охранник остался снаружи. Дверь закрылась без того тяжёлого щелчка, к которому ПиДжей привык.

Стул оказался мягким. Обивка уступила, спинка подхватила поясницу. ПиДжей поспешно выпрямился, словно совершил ошибку.

Мужчина придвинул пустой стакан.

— Воды не хотите, прежде чем начнём?

— Пока нет, спасибо.

— Как хотите, стакан ваш, понадобится — нальёте.

На столе стоял стеклянный кувшин; свет у края распадался на узкую цветную полоску. В древесине возле локтя сходились волокна. После ровных белых стен ПиДжей задерживал взгляд на каждой прожилке.

— Это по поводу моего обращения?

Мужчина немного помедлил.

— Я о пересмотре дела спрашиваю, по тому обращению вчера пришёл отказ, — уточнил ПиДжей.

Женщина разняла руки.

— Мы видели это обращение.

Сердце ударило сильнее. Он положил ладони на колени, чтобы их не пришлось куда-нибудь девать. В ответах всегда говорилось об уполномоченном органе. Уполномоченный орган никогда прежде не сидел перед ним в серой одежде и не сообщал, что видел его запрос.

— Оснований для пересмотра не появилось, — сказала она.

Мужчина посмотрел на неё и повернулся обратно.

ПиДжей слишком быстро кивнул. Будто знал, зачем его привели, и только ждал напоминания.

— Сегодня мы хотели бы обсудить, где и на каких условиях вы будете находиться дальше, — сказал мужчина.

— Меня переводят?

— Можно и так сказать, хотя это больше, чем обычный перевод. По медицинским показателям препятствий нет, а ваш технический опыт подходит программе, — сказал мужчина.

— Подождите, в какой ещё программе?

Женщина открыла папку и выровняла листы лёгким ударом о стол. В его блоке все заявления шли через терминал. Обычно бумагу он держал в руках, только когда доставал фотографию.

Она положила листы перед ним.

На первом стояло число.

666.

Крупные цифры занимали почти половину страницы.

ПиДжей поднял глаза, сначала на мужчину, потом на женщину. Никто не улыбался.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.